

Глава 26. Черный лотос мертвецов

Угольно-черный лотос, подернутый призрачным фиолетовым мерцанием, распахнул все тридцать шесть слоев своих лепестков разом. В этом цветении было нечто пугающее — сама красота зарождающейся жизни, доведенная до ледящего кровь совершенства.

Мир вокруг, запертый в тесной клетке пространства, вдруг утратил краски. Все — от камня до лиц — подернулось пеплом, точно выцвело на старом снимке. Время словно споткнулось: воины, соскочившие с барельефов, замерли в нелепых позах, хотя на их застывших плоских лицах все еще читалась мучительная гримаса боли.

В этой мертвой тишине крик Ань Тин прозвучал особенно резко:

— Куно!!!

Цзян Жуцзин обернулся, но корпус внедорожника закрывал обзор. Впрочем, гадать не приходилось — чернокожий наемник Куно встретил свою смерть.

«Ну конечно», — мрачно подумал Цзян.

Лотос расцвел, а пространство затянуло серым маревом — верный признак того, что алтарь получил необходимый стимул. Цзян Жуцзин поднял голову, вглядываясь в черную колонну. Санскритская вязь на камне ожила. Символы медленно скользили по поверхности, напиваясь призрачным светом, который стекался к вершине — прямо в сердцевину лотоса.

Давным-давно Цзян Жуцзин и Се Чжицзянь — в те времена тот носил именно это имя — узнали, что их друга, даоса Сюйчаня, удерживают в храме Брахмы, принуждая принять постриг. Они вдвоем ворвались в обитель, прорубая путь сквозь охранные массивы.

Последним препятствием стал лабиринт из бесконечных прудов, заросших благоухающими лотосами. Красота этих цветов удерживала их в плену целый год. Выбраться удалось лишь благодаря словам Се Чжицзяня.

«Цветок в илу — точно душа в ожидании перерождения. Пройтись сквозь грязь — словно родиться заново. Краткий миг цветения — расцвет человеческой жизни, за которым неизбежно следует увядание и возвращение в прах. Колесо сансары неумолимо: жизнь есть смерть, а смерть — лишь начало новой жизни... Похоже, Сюйчань и впрямь связан судьбой с буддизмом. Уходим».

Лотос — цветок тех, кто уходит за грань.

Цзян Жуцзин помрачнел. Он уже вскинул руку, намереваясь призвать меч и одним ударом разнести проклятое растение, но в последний миг осекся. В этом теле не было ни капли

истинной юань.

— В лотосе кто-то пробуждается! — крикнул он людям у машины.

Дэн Цин, собиравшийся бежать к Куно, замер и недоуменно задрал голову. С его ракурса была видна лишь массивная чашечка цветка. В кабине старик Фу лихорадочно щелкал затвором камеры, снимая все подряд, а Лу Цинсюэ и Фу Яньтао вжались в сиденья, не в силах скрыть дрожь.

Лишь Ачамоло оставался спокоен. Он закрыл книгу, обернулся к колонне и безмолвно уставился на черную чашу размером с половину внедорожника.

— Тц, — Цзян Жуцзин схватил Лао Ту за шкирку, дотащил до машины и впихнул внутрь.

— А как же колонна? — пробормотал тот, потряхивая парой гранат, прихваченных из багажника.

— Поздно взрывать, — отрезал Цзян и с силой захлопнул дверцу. Боковым зрением он уловил нечто странное у капота и замер.

Ань Тин сидела на земле, обнимая белый скелет. На костях висели обрывки точно такой же формы, какая была на ней самой.

Это всё, что осталось от Куно? Куда исчезла плоть?

Цзян посмотрел на цветок. Лотос раскрылся полностью, его лепестки едва заметно вибрировали. Тонкий стебель-колонна питал его. Вспомнив исчезнувшую плоть и светящиеся символы, он нахмурился. Эта колонна была не опорой — она была живым цветоносом, качающим кровь.

Он переложил длинный нож в левую руку, а правой подхватил копьё у застывшего каменного солдата. Взвесив оружие, он с силой метнул его в покрытый письменами «стебель».

Копьё ударилось о камень бесшумно и мгновенно рассыпалось в прах.

Дэн Цин, решив повторить попытку, выпустил по колонне несколько пуль, но и они превратились в пыль, не долетев до цели.

— Матерь божья... — выдохнул он и навел ствол на сам цветок.

— Не трать патроны, — остановил его Цзян Жуцзин. — Бесполезно. Жди.

— Просто стоять и ждать?! — возмутился Дэн Цин.

Цзян холодно прищурился. Кивнув в сторону капота, он бросил:

— У тебя есть время попрощаться с другом.

Дэн Цин почуял неладное, но сердце уже тянуло его к Куно. Он подбежал, еще не понимая, что видит.

— Куно? Тин, ты чего? Зачем тебе этот муляж? — Голос его дрогнул на последнем слове.

Старый солдат, прошедший через сотни заданий, не мог не отличить пластик от настоящих костей. Он опустился на колени рядом с Ань Тин. Он коснулся кармана на истлевшей куртке — там лежал металлический жетон. Дэн Цин сжал его в кулаке так, что побелели костяшки.

— Как это случилось?!

Ань Тин вздрогнула, выходя из оцепенения. Ее взгляд был блуждающим, а голос срывался на шепот:

— Я... я видела, как он... — Слова тонули в тишине. Даже стоя рядом, Дэн Цин не мог разобрать ее слов.

Ачамоло тихо вздохнул и покачал головой:

— Гнев рождает гнев.

Цзян Жуцзин не стал спорить. Он не сводил глаз с лотоса, чувствуя, как рукоять ножа холодит ладонь.

Монах, словно не замечая царящего вокруг безумия, подошел к Цзяну.

— Ты слышал о Чжаньдуоло Юэняо? — спросил он.

Цзян лишь вопросительно приподнял бровь.

— Он был вторым и последним правителем Династии Превосходящей Птицы.

Цзян понял: Ачамоло заговорил об истории не просто так. Это место было связано с древним царем.

— Его отец, Мокэцзе Юэняо, вышел из низов, — продолжал монах. — Он покорил огромные земли и стал величайшим царем в истории этих рек. — В голосе Ачамоло проскользнуло искреннее почтение. — Он был преданным буддистом. В конце жизни, уверовав в карму и перерождение, он запретил убийства во всей стране, надеясь в следующей жизни стать Буддой.

— Стать Буддой? — переспросил Цзян, не отрываясь от черного цветка.

— Пустые надежды, — покачал головой Ачамоло. — Просветление не дается так просто.

— Но в перерождение он верил? — Цзян Жуцзина осенило. — Так это он там, в лотосе?

— Нет, — отозвался Ачамоло. — Там Чжаньдуоло, его сын. Этот храм построил он. Мокэцзе никогда бы не поднял руку на монаха или верующего.

Цзян Жуцзин промолчал, продолжая внимательно следить за черным бутонем.

— Чжаньдуоло убил девяносто девять своих братьев и сестер, — негромко произнес Ачамоло. — Затем он принял постриг, чтобы избежать казни. Спустя годы его вернули во дворец и сделали наследником.

— Убить сотню родичей и стать царем? — Цзян был искренне изумлен.

— Он заявлял, что верит в Будду, но на деле ненавидел его учение. Он строил храмы, чтобы заманивать и вырезать монахов, и в то же время, подобно отцу, жаждал бессмертия.

— Решил использовать кровавую жертву, чтобы обмануть смерть? — Цзян Жуцзин мгновенно раскусил план древнего царя. Обычный прием темных практиков.

Ачамоло кивнул:

— Именно так.

— Откуда ты всё это знаешь? — небрежно бросил Цзян.

Монах промолчал.

Цзян Жуцзин почувствовал укол подозрения. Лао Ту говорил, что из группы его друга почти никто не вернулся, да и об опасностях те помалкивали. Значит, об этом месте не знал почти никто. Так откуда у этого юнца такие подробности?

Он вспомнил сияние святости, исходившее от Ачамоло, и то, как тот легко гасил чужую ярость. «Выглядит как святой, но верить ему на слово не стоит. Ли Ле всё еще не объявился, надо быть начеку».

В этот миг мертвую тишину зала прорезал сухой треск.

Цветок раскрылся.

Все, кто был в зале, замерли. Черный лотос вспыхнул ослепительным светом. Воздух наполнился ароматом свежей зелени, в который тонкой струйкой вплетался запах гнили. Громовой голос раскатился под сводами:

— Так это вы, чернь, посмели потревожить мой сон?

Лотос начал стремительно увядать. Лепестки осыпались черным снегом и таяли, не долетая до земли. Там, наверху, осталась лишь одинокая фигура.

Чувствуя, как пространство наполняется густой, почти осязаемой жаждой крови, Цзян Жуцзин процедил сквозь зубы:

— У этой твари есть слабые места?

Ачамоло остался безмятежен.

— Есть.

— И какие? — Цзян крепче перехватил нож.

Монах достал книгу и серьезно произнес:

— Подобная нечисть больше всего боится Шурангама-сутры. Если мы прочтем ее вместе, он развеется прахом.

Вспомнив, как Ачамоло чуть не погиб, пока читал свои мантры среди оживших статуй, Цзян Жуцзин хотел было съязвить, но не успел. Монах внезапно толкнул его в плечо. Цзян отлетел на несколько шагов, и в ту же секунду место, где он стоял, прошила алая молния.

Ань Тин и Дэн Цин, отбросив скорбь, подбежали к ним. Четверо людей замерли, глядя на врага.

Черный «стебель» медленно уходил под землю. Существо, рожденное из лотоса, опустило

тонкую, но пугающе сильную руку и плавно приземлилось. Черные волосы, угольные глаза и ледяной, высокомерный взгляд.

— Я задал вопрос. Почему вы молчите?

<http://bllate.org/book/17530/1704655>